

На правах рукописи

ПОРХОМОВСКИЙ Михаил Викторович

**ЯЗЫК ТУРЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ (ГРАММАТИЧЕСКИЙ И
ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (языки народов Юго-Западной Азии, Ближнего Востока и Африки; языки народов Южной Азии, Среднего и Дальнего Востока)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 2009

Работа выполнена на кафедре тюркской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор Щека Юрий Владимирович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Благова Галина Федоровна

кандидат филологических наук, доцент Телицин Николай Николаевич

Ведущая организация:

Российский государственный гуманитарный университет

Защита диссертации состоится «3» декабря 2009 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.34 по филологическим наукам (языкознание) Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова по адресу: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д.11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова.

Автореферат разослан «__» _____ 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Урб М.Р.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В реферируемой диссертации лингвистическому анализу подвергнут корпус турецких пословиц (около 6.000 единиц), которые в своих характеристиках отражают глубинные междисциплинарные связи этого языкового феномена.

Актуальность исследования обусловлена тем, что специальные языковедческие исследования по турецким пословицам в отечественной тюркологии отсутствуют. Между тем, в традиционных восточных культурах в целом и в турецкой в частности пословицы играют гораздо бóльшую роль в речевом поведении людей и в письменных художественных текстах, чем в современной культуре Запада. Изучение турецких паремий не только как важной неотъемлемой части традиционной словесной культуры, но и как собственно лингвистического феномена представляется актуальным еще и потому, что пословицы обнаруживают в своей структуре специфические способы построения текста, отражая своеобразный сплав закономерностей как письменной, так и разговорной речи. Безусловный интерес представляет комплексный анализ языка паремий на разных уровнях.

Степень изученности. В отечественной тюркологии при наличии определенного количества языковедческих работ на материале азербайджанских, туркменских, узбекских, казахских паремий и пословиц ряда других тюркских народов остаются неизученными лингвистические особенности турецких пословиц: лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические; особенности, связанные с отражением в паремиях закономерностей турецкой разговорной речи, выражения коммуникативной перспективы высказывания, актуального членения. В самой Турции изучению паремий уделяется большое внимание. Однако и в работах турецких ученых пословицы не становились объектом всестороннего лингвистического анализа. Отдельные соображения по синтаксическому строю турецких паремий были высказаны Н.Муаллимоглу, а также О.А.Аксоем в предисловии к своему сборнику пословиц. В предисловии к сборнику, составленному М.Юртбаши, С.Хегаард обращал внимание на наличие рифмы и ритма в турецких пословицах, а также приводил примеры аллитерации.

Объектом исследования в диссертации является насчитывающий около 6.000 единиц корпус турецких паремий, рассматриваемых не только как формальные языковые структуры, но и как составляющие текста.

Предмет исследования составляют системно-языковые особенности, а также особенности функционирования турецкого языка в паремиях и, в частности, их

коммуникативные разновидности, механизм использования особенностей разговорной речи в турецких пословицах, языковая картина мира в зеркале их лексического состава, а также текстовые средства в турецких поговорках и функционирование пословиц в текстах.

Цель диссертации состоит в комплексном языковедческом анализе турецких пословиц. Намеченная цель определила **задачи**:

- 1) интерпретировать использование ограниченного числа грамматических средств в турецких пословицах;
- 2) выявить закономерности проявления в турецких поговорках системных черт как письменной, так и разговорной речи;
- 3) провести статистический анализ лексики турецких пословиц и распределить ее по семантическим классам;
- 4) описать некоторые детали турецкой языковой картины мира на основании анализа лексического фонда турецких поговорок;
- 5) определить текстовые средства в турецких пословицах;
- 6) описать особенности функционирования турецких пословиц в текстах.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили положения отечественных и зарубежных ученых в области теории языка (А.В.Бондарко, Н.Ю.Шведова, Я.Г.Тестелец, Т.М.Николаева, Ю.Н.Караулов, Л.Теньер и др.), лингвистики текста и теории интертекстуальности (Т.М.Николаева, Е.А.Реферовская, Н.А.Слюсарева, О.И.Москальская, И.Р.Гальперин, Н.С.Поспелов, А.И.Новиков, А.А.Леонтьев, И.А.Пильщиков и др.), изучения пословиц в аспекте индивидуального узуса (Г.Ф.Благова, Г.Л.Пермяков, Г.Л.Капчиц и др.), тюркской филологии и фольклористики (Н.К.Дмитриев, А.Н.Кононов, Э.А.Грунина, Ю.В.Щека, Н.Муаллимоглу и др.), паремиологии (Г.Л.Пермяков, Ю.И.Левин, Т.В.Цивьян и др.), описания паремиологических систем других тюркских языков (З.А.Ализаде, А.Аннануров, Х.Абдурахманов, Р.Сарсенбаев и др.).

Основными методами исследования являются описательный и классификационный, метод лексикографического и источниковедческого анализа, метод статистического анализа и количественных подсчетов.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые проведено комплексное лингвистическое исследование турецких пословиц. В работе показано, в частности, отражение в турецких поговорках закономерностей функциональных разновидностей турецкого языка, турецкого спонтанного разговорного синтаксиса, раскрыты специфические черты употребления в пословицах ряда морфологических

форм (например, форм глагольных времен), особенности функционирования пословиц в текстах, выявлены текстовые средства в пословицах, а также проведен анализ их лексического своеобразия.

Теоретическая значимость диссертации определяется как результатами самого комплексного исследования турецких пословиц, так и следующими из него общими выводами относительно функционирования в пословицах системы литературного языка вообще, которые часто имеют универсальный характер. Впервые использован статистический анализ лексики, позволивший по-новому осветить проблему языковой картины мира в турецком языке. Также впервые на турецком материале были затронуты проблемы интертекстуальности и раскрыта стилистическая роль пословиц в языке прессы.

Практическая ценность заключается в возможности использования результатов исследования в курсах по лексикологии и лексикографии, теории лингвистики текста, фольклористики, а также на практических занятиях турецким языком. Прделанная работа будет способствовать качественному расширению прикладной лексикографии, в частности, созданию словаря турецких пословиц для русского читателя.

Материалом для исследования послужил фонд турецких пословиц, зафиксированный в изданных в Турции сборниках пословиц и используемый в различных текстах как художественной литературы, так и СМИ.

Апробация диссертации: диссертация выполнена на кафедре тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, обсуждена и рекомендована к защите. Материалы и результаты исследования докладывались на научных конференциях; основные положения диссертации отражены в семи публикациях.

На защиту выносятся следующие основные **положения**:

- 1) Турецкие пословицы используют ограниченное число грамматических форм и синтаксических структур. Значительное место в синтаксической структуре пословиц занимают условные обороты.
- 2) В порядке слов и актуальном членении турецких паремий находят отражение закономерности как письменной, так и разговорной речи.
- 3) Влияние турецкой разговорной речи на турецкие пословицы проявляется как в смещении значений грамматических категорий, так и в реализации отдельных синтаксических структур.
- 4) Лексика турецких паремий является ценным источником как для рассмотрения традиционной языковой картины мира, так и для изучения языковой и

культурно-исторической эволюции соответствующих традиций. Проведенный в диссертации статистический анализ позволяет обосновать теоретически существующие представления о языковой картине мира.

- 5) Турецкие пословицы насыщены содержательными категориями текста и текстовыми формальными средствами.
- 6) Паремии включаются в текст не только в «канонической» форме, но и с различными изменениями, дополнениями и сокращениями в соответствии с эстетическими и прагматическими целями автора текста. Введение пословицы в текст не только увеличивает экспрессию, но и отражает стремление участника речевого акта закрепить его представление об истинности события.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и использованной литературы, насчитывающего 139 наименований, и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна выбранной темы, определяется степень ее изученности, формулируются цели, задачи и методы исследования, излагаются основные положения диссертации, выносимые на защиту. Во Введении также дается краткий очерк истории собирания турецких пословиц, характеристика источников и определение паремии.

В **Главе I** «Грамматический аспект лингвистического анализа турецких пословиц» рассматриваются финитные формы глагола в турецких пословицах, а также проводится семантическое сопоставление некоторых глагольных форм индикатива и исследуется их отражение в турецких пословицах. В этой главе освещаются также отдельные вопросы синтаксиса турецких паремий (модальность, способы выражения подлежащего и сказуемого, порядок слов и актуальное членение), а также анализируется использование особенностей разговорной речи в турецких пословицах.

Финитные формы глагола в турецких пословицах. Если открыть любой сборник турецких пословиц, то первое, что бросается в глаза - это преимущественное использование глаголов в форме настоящего-будущего времени на -(°)г и практически полное отсутствие глаголов в других временах. Для анализа причины этого явления в качестве контрастного фона были использованы результаты исследований славянских пословиц, так как, во-первых, в отечественной науке проведен подробный анализ финитных форм славянских паремий, а, во-вторых, такое сравнение может быть

полезным для более точного понимания турецких пословиц носителями русского языка. Т.М.Николаева считает, что существенным является различие глагольных финитных форм в пословицах, включающих компонент «условие», и пословицах без него. В данной работе также используется эта классификация.

Финитные формы глагола без семантического компонента «условие». Наиболее характерной формой глагольного сказуемого как в славянских, так и в турецких пословицах является форма 3-го лица ед. и мн. числа; время - настоящее неактуальное в славянских пословицах, настоящее-будущее на $-(^{\circ})г$ - в турецких пословицах. В семантику глагольного сказуемого входит показатель 'обычно', 'вообще'. Дискуссии о настоящем времени обычно связывают его функционирование с моментом речи, с «беспризнаковым» его существованием, с действительностью ситуации как ранее, так и в настоящий момент. Функции настоящего времени принято обсуждать с опорой на говорящего и его включенность в происходящее событие - сейчас или в обозримый промежуток, соотносимый с сиюминутностью. В пословичных предложениях говорящего в принятом смысле усматривать нельзя. А.В.Бондарко, приводя пословичный пример 'Рыбак рыбака видит издалека', говорит, что «настоящее время, в котором представлена «вневременная ситуация», не имеет актуальной соотнесенности с моментом речи. К этому моменту относится лишь пресуппозиция: я сообщаю эту истину сейчас, следовательно, в момент речи считаю действительным, имеющим актуальную значимость тот смысл, который заключается в известной пословице». Поскольку эта пословица обычно применяется в указанной форме к актуальным ситуациям, можно считать, что 'видит' в контексте - это настоящее актуальное, синонимичное: 'Они понимают друг друга'. Но на контекстное значение 'видит' накладывается и семантика 'видит' из изолированного существования пословицы - 'Рыбак рыбака видит издалека' - всегда, всякий, т.е. это уже настоящее повторяющейся ситуации. Таким образом, настоящее пословичное - это наложение двух временных статусов: актуальной ситуации и повторяющейся, которое и включает пословицу непосредственно в экстралингвистическую реальность. Все вышесказанное верно и для времени на $-(^{\circ})г$, которое так широко используется в турецких пословицах. Хотя согласно грамматике турецкого языка настоящее-будущее время не имеет временного статуса актуальной ситуации, в реальном употреблении время на $-(^{\circ})г$ никогда не будет заменено в пословице на время на $-уог$, которое обладает этим временным статусом. Что же касается второго временного статуса - повторяющейся ситуации, то это значение свойственно самой форме на $-(^{\circ})г$.

Второй распространенной глагольной формой в пословицах является императив в форме ед. числа. Академическая грамматика русского языка специально выделяет «формы 2-го лица ед. числа в повелительном наклонении, употребленные в обобщенно-личном значении: например, в пословицах: Хлеб-соль ешь, а правду режь». Авторы считают особенностью таких императивных конструкций «отрыв действия от его непосредственного производителя и возможность адресовать повеление любому лицу», это определяет широкое употребление форм 2-го лица ед. числа повелительного наклонения в целом ряде значений, далеких от собственно побуждения. «С побуждением их объединяет лишь значение ирреальности (возможности, желательности) действия». И все же среди употреблений побуждения как категории мы находим одно из значений, соответствующих именно пословичным формам. Это: «побуждение в соединении со значением долженствования». Все вышесказанное можно отнести и к турецким пословицам. В пословице *Çocuktan al haberi* (Спрашивай у ребенка) присутствует как «возможность адресовать повеление любому лицу», так и «побуждение в соединении со значением долженствования».

Финитные формы глагола с «условием». Пословица, обращенная практически к каждому во всех случаях и во все времена, все же не игнорирует возможности быть советчиком при некотором ограниченном числе ситуаций, т.е. при ситуациях потенциальных. Очевидно, что условность понимается нами широко, т.е. имеется в виду реализация некоторой ситуации только в качестве функции от переменной - другой ситуации. Таким образом, вводится показатель в том случае, когда имеет место ситуация *x*. При этом подходе в группу высказываний в значении условия попадают и сложные предложения со значением причинности, уступительности, тождества, собственно условия и т.д. В таких структурах реализуются различные формы финитных глаголов, например, 3-е лицо ед. и мн. числа настоящего-будущего времени, 2-ое и 3-е лицо ед. числа повелительного наклонения, 3-е лицо ед. числа прошедшего категорического времени и т.д. Таким образом, разнообразие финитных форм как бы создает разнообразие возможных миров, в которые может привести обусловленная ситуация. «Условные» пословичные предложения в основном повернуты к адресату не сообщаемым, а дополнительной ситуацией, потенциальной или нереализованной, которая, тем не менее, обеспечивает их прочную связь с языковым контекстом.

Семантическое сопоставление некоторых глагольных форм индикатива и их отражение в турецких пословицах. Данное исследование не могло бы считаться объективным, если пытаться объяснить употребление в пословицах того или иного времени без учета их соотношения друг с другом. Для создания полной картины

необходимо провести сопоставление времени на $-(^{\circ})\text{g}$ и времени на $-\text{mi}\text{ş}$, которое стоит на втором месте по частотности употребления в турецких поговорках, хотя в процентном соотношении его удельный вес и невелик, с временем на $-\text{uog}$ и временем на $-\text{di}$ соответственно, которые практически не встречаются в турецких поговорках.

В связи с приведенной выше трактовкой времени на $-(^{\circ})\text{g}$ Э.А.Грунина отмечает, что в противопоставлениях форм внутри парадигмы индикатива пары $-\text{uog}$ и $-(^{\circ})\text{g}$ в сфере настоящего, а также $-\text{di}$ и $-\text{mi}\text{ş}$ в сфере прошедшего не получают адекватной интерпретации в темпоральных признаках. Внутри каждой пары имеет место противопоставление по признаку акциональности. Это свойство состоит в способности актуализировать действие как таковое, в его реальном процессе, или снимать таковой, актуализировать не действие/состояние, а его субъект, используя характеризующие возможности глагольного признака. В паре $-\text{uog} : -(^{\circ})\text{g}$ первая выступает акционально насыщенной, вторая акционально опустошенной. Форма $-(^{\circ})\text{g}$ имеет такие функции: а) не сигнализирует о факте прошлого, б) выражает характеристику субъекта через действие/состояние, в) указывает на способность субъекта к осуществлению действия/состояния. Если для времени на $-\text{uog}$ возможна реализация подлежащего в форме существительного как с сигнификативной, так и денотативной направленностью значения, то для времени на $-(^{\circ})\text{g}$ наблюдается практически лишь сигнификативная направленность значения существительного, выступающего в функции подлежащего. Например, во фразе *Bu kartal sinek avlamaz* (Этот орел не может охотиться на мух), не являющейся поговоркой, подлежащее *kartal* (орел) имеет референта, а в поговорке *Kartal sinek avlamaz* (Орел на мух не охотится), подлежащее *kartal* (орел) имеет сигнификативное значение. Переходя к паре $-\text{di} : -\text{mi}\text{ş}$, необходимо отметить, что инвариантное значение формы $-\text{mi}\text{ş}$ не связано с действием как таковым. Оно трансформируется в качество, характеристику субъекта, в материальный результат. С точки зрения морфологии можно говорить об обособлении надкатегории наклонения / модальности пересказывательности. Функция $-\text{mi}\text{ş}$ как модальности пересказывательности и содержит, прежде всего, указание на вторичный источник сведений о действии, но не действие как таковое. Однако эта форма обладает также и перфектным значением, и в большинстве поговорок, где она встречается, эта форма как раз и используется для выражения результативности.

Форма на $-\text{mi}\text{ş}$ является акционально опустошенной. Поэтому стала возможной ее модальная трансформация и приобретение этой формой оценочной модальности. Необходимо также отметить, что модально-оценочная спецификация $-\text{mi}\text{ş}$ во многих случаях оттесняет ее собственно нейтральное перфектное значение. Например, в

пословице Taş üstünde taş kalmamış (Камня на камне не осталось) -miş, указывая на перфектность, привносит оттенки оценочной модальности («смотри-ка», «оказывается», «ничего себе»...). В форме на -dı оценочная модальность отсутствует. Это время обозначает действие, законченное к моменту речи: Takke düştü, kel açıldı (Тюбетейка свалилась - обнаружилась плешь). Что же касается других времен, то из 1621 пословицы, представленной в сборнике О.Акса, только в четырех использовано настоящее время на -уог и в семи - неопределенный имперфект -(°)rdı, причем настоящее время употребляется в прямой речи, а появление неопределенного имперфекта объясняется грамматическими правилами (обязательное употребление этого времени, наряду с будущим-прошедшим, в условном периоде в значении нереального следствия).

В заключительной части раздела, посвященного финитным формам глагола, приводятся статистические данные о частотности употребления той или иной формы глагола в турецких паремиях. Около 75% из них имеют в составе глагол (в 1167 пословицах из рассмотренной нами 1621 пословицы использован глагол в изъявительном или повелительном наклонениях). Самой характерной формой глагольного сказуемого является 3-е лицо ед. и мн. числа времени на -(°)г (эти формы встречаются 947 раз, что составляет 81%). Императив употребляется в основном в форме 2-го лица ед. числа. Относительно распространены сказуемые во времени на -miş в форме 3-го лица ед. и мн. числа. Необходимо отметить и тот факт, что в пословицах используются практически всего 3 формы: 2-ое лицо ед. числа и 3-е лицо ед. и мн. чисел. Сказуемые в форме 1-го лица ед. числа встречаются 15 раз, а в форме 1-го лица мн. числа и 2-го лица мн. числа по одному разу.

Модальность. В турецких паремиях представлены утвердительная, отрицательная и вопросительная модальности, а также побудительная и вокативная группы восклицательной модальности.

Способы выражения подлежащего и сказуемого. Подлежащее в турецких паремиях может быть выражено существительным, прилагательным (в пословицах использование прилагательных в качестве подлежащего наблюдается чаще, чем в других реализациях литературного языка, т.к. в пословицах довольно часто актуализируется именно свойство), местоимением, числительным, не дифференцированным прилагательным-наречием, неличными формами глагола - инфинитивом и причастием, словосочетанием, включая предикативные (в таких случаях обычно говорят о «группе подлежащего»), сложными многочленными словосочетаниями, конструкциями на -dik/-(y)acak. Глагольные сказуемые,

выраженные финитными формами, были проанализированы в предыдущем разделе. Что касается именных сказуемых, то в турецких пословицах они могут быть выражены существительным в основном, родительном, местном и исходном падежах, прилагательным, местоимением, числительным, именем с послелогом, инфинитивом, предикативными именами 'var' и 'yok', именным словосочетанием, которое может быть субстантивным (изафет) и атрибутивным.

Порядок слов. В турецком языке порядок слов в предложении в значительной степени предопределяет синтаксические функции членов предложения, актуализирует отдельные его члены и придает стилистическую окраску предложению в целом. Схема конструктивного (т.е. грамматического) порядка слов в турецком предложении определяется обычно так: подлежащее (П), обстоятельство времени (О_{вр}), другие обстоятельства (О), косвенное дополнение (Д_к), прямое дополнение (Д_п), сказуемое (С). В разговорной же речи порядок слов синтаксически более свободен, т. к. на порядок слов в разговорной речи оказывают сильное влияние разговорные особенности актуального членения. В целом необходимо отметить, что в письменной речи доминирует конструктивный порядок слов и объективный порядок следования коммуникативных членов (тема предшествует реме). В спонтанной разговорной речи порядок слов в значительной мере определяется субъективным порядком следования коммуникативных членов (рема предшествует теме). Пословицы, будучи устным жанром, прошли литературную обработку, поэтому в них особенности функциональных разновидностей литературного языка – письменной речи и речи разговорной - представлены относительно равномерно. Если рассмотреть расположение относительно друг друга подлежащего, прямого дополнения и сказуемого, то среди пословиц можно найти четыре варианта словоупотребления, причем в первых двух примерах выделение наиболее значимого элемента происходит благодаря конструктивному порядку слов, а в последних двух - благодаря субъективному порядку следования коммуникативных членов.

ПДС: Ele uyan eşini boşar (Кто слушает чужих, тот разводится с женой);

ДПС: Irak yerin haberini kervan getirir (Новости из дальних стран приносит караван);

СПД: Gördün sen deliyi, savul geri (Если увидел сумасшедшего, уйди);

ПСД: Allah bilir işini (Аллах свое дело знает).

Актуальное членение. Если попытаться рассмотреть актуальное членение отдельно взятой пословицы, то необходимо отметить, что будет довольно сложно однозначно выделить в ней тему и ремю, т.к. в таком случае контекстом для пословиц

будет являться не какой-либо определенный текст, а представления людей, здравый смысл. На наш взгляд, актуальное членение пословицы можно соотнести с актуальным членением предложения, стоящего в начале изложения. Как отмечает И.К.Шмидт, «в этом случае употребляются предложения, раскрывающие самые различные коммуникативные задания, и для того, чтобы определить их целевое назначение, их актуальное членение, необходим анализ объективных языковых данных без опоры на предшествующий контекст. Таким образом, даже постулируя обусловленность актуального членения окружающим контекстом, отмечаем, что существует разная степень зависимости предложения от контекста и в любом предложении необходимо учитывать существование двух уровней актуального членения - уровень актуального членения изолированного, изъятая из контекста предложения и уровень актуального членения, выражающего непосредственный конкретный смысл данного предложения в соответствующем контексте и ситуации». Так, например, в пословице İki cambaz bir ipte oynamaz (Два акробата на одном канате не выступают) можно выделить тему – «два акробата» и ремю – «на одном канате», причем в обоих случаях логическое ударение падает на числительные. Подтверждением этому является наличие очень близких по смыслу пословиц, где также проводится противопоставление числительных: İki arslan bir posta sığmaz (Два льва в одну шкуру не влезут); İki at bir kazığa bağlanmaz (Двух лошадей к одному колу не привязывают) и т.д. Однако, есть большое количество пословиц, где выделить тему и ремю довольно сложно. Еще один фактор, влияющий на актуальное членение пословиц, заключается в том, что в паремиях, имеющих двойственную природу, связанную с отражением в них особенностей как письменной речи, так и речи разговорной, проявляются характерные черты обеих этих функциональных разновидностей. В письменной речи актуальное членение обычно строится по принципу от известного к новому, от темы к реме. Смысловое выделение наиболее важной части сообщения происходит путем постановки соответствующих слов непосредственно перед сказуемым, причем выделяться может любой член предложения. Логическое ударение может падать на: 1) подлежащее: Ahlatın iyisini ayılar yer (Лучшие груши достаются медведям); 2) косвенное дополнение: Tatlı dil yılanı deliğinden çıkarır (Сладкие речи змею из норы выманят); 3) послеложное дополнение: Köleden ağa olan minareyi sesiyle yıkar (Тот, кто из слуги стал господином, и голосом минарет разрушит); 4) обстоятельство времени: Güzele kırk günde doyulur, iyi huyluya kırk yılda doyulmaz (Красотой можно насытиться за сорок дней, а хорошим характером и за сорок лет не насытишься); 5) обстоятельство места: Serkeş öküz son soluğu kasap dükkanında alır (Непослушный бык в лавке мясника последний вдох делает); 6)

придаточное предложение, вклинивающееся в середину главного: *İnsan kendini beğenmezse ölür* (Человек, если не будет нравиться самому себе, умрет) и т.д. В турецкой разговорной речи, особенно в спонтанной, наоборот, выражение ремы стоит перед выражением темы, и слово, содержащее новую информацию или то, что с точки зрения говорящего является главным, оказывается первым словом в предложении. Наиболее ярко в пословицах это проявляется при постановке сказуемого в начало предложения: *İnanma dostuna, saman doldurur postuna* (Не доверяй своему другу, он может и убить тебя). Среди турецких пословиц можно найти немало примеров, выделение в которых соответствует правилам выделения и письменной, и устной речи, т.к. рема, с одной стороны, стоит перед сказуемым, а с другой – занимает начальную позицию в предложении: *Kocana göre bağla başını, harcına göre pişir aşını* (Завязывай платок согласно [требованиям] своего мужа, готовь еду из того, что у тебя есть). Актуальное членение пословиц легче установить при наблюдении за ними в протяженном тексте, например, в прессе. Так, журналист И.Чалышлар в статье о своем путешествии по странам Юго-Восточной Азии резюмирует заметки о каждой стране видоизмененной пословицей *Akıl yaşta değil başta* (Ум не в возрасте, а в голове): *Akıl yaşta değil ileriye gözlüksüz iyi görebilenlerdedir* (Ум не в возрасте, а в тех, кто может хорошо видеть будущее без очков), *Akıl yaşta değil iştedir* (Ум не в возрасте, а в делах) и т.д. В статье тема пословицы – «ум не в возрасте» - остается неизменной и несет основную коммуникативную нагрузку, обеспечивая связность текста. Также стоящее на первом месте в предложении слово «ум» отвечает за ряд функций, которые, по мнению В.Г.Адмони, возложены в тексте на член предложения, занимающий начальную позицию: 1) выражает логическую последовательность в развертывании содержания предложения; 2) выражает связь с предыдущим контекстом; 3) выделяет понятие, им (т.е. стоящим на первом месте членом предложения) обозначенное.

Использование особенностей разговорной речи в турецких пословицах. Особенности, присущие разговорной речи, в турецких пословицах проявляются в смещении значения грамматических форм глагола - как финитных, так и нефинитных, а также в синтаксисе. Под смещением значения понимаются случаи употребления формы не в обычном, присущем ей значении, а в других значениях, как правило, не входящих в нее в рамках основного ядра языковой системы (с целью выражения экспрессии).

1. Смещение значения наклонения. Условность передается изъявительным наклонением: *Buldun (=bulduysan) bir börek, sahibi nene gerek?* (Если нашел пирожок, зачем тебе нужен его хозяин?); изъявительное наклонение передается желательным

наклонением: Öksüz güler de, meğer yanıla (=yanılır) (Сирота смеется, да только ошибается [по ошибке]).

2. Смещение значения аспекта. Вопросительно-утвердительная форма в значении отрицания: Kabahat ölende mi, öldüründe mi? (=öldüğünde değil) (Вина на том, кто убил, или на том, кого убили? (=не на том, кто убил)); вопросительно-утвердительная форма в значении формы невозможности: Sakal bıyığa denk olmayınca berber ne uyarın? (=bir şey uyaramaz) (Если борода к усам не подходит, что может сделать парикмахер? (=ничего не сможет сделать)); вопросительно-отрицательная форма в значении утверждения: Yağmur yağsa kış değil mi? (=kıştır) - Kişi halini bilse hoş değil mi? (=hoştur) (Если дождь идет, разве [сейчас] не зима? (=зима) - Если человек знает свои возможности, разве это не здорово? (=здорово)).

3. Смещение значения деепричастия на -ınca. В турецком языке деепричастие на -ınca обозначает побочное действие, непосредственно предшествующее действию основного глагола. В пословицах же это деепричастие чаще всего передает условие или причину, что встречается только в разговорной речи: İki testi çarpışınca biri kırılırsa biri de çatlar (Если два сосуда столкнутся, один разобьется, а другой треснет).

При синтаксическом анализе корпуса турецких пословиц удалось вычленить употребление в них некоторых особенностей, которые характерны для разговорной речи:

1. В турецких пословицах широко представлено отсутствие замещения синтаксической позиции. Незамещенными могут оставаться позиции 1) сказуемого (отсутствующее слово приведено в квадратных скобках): Rençber kırk yılda, tüccar kırk günde [kazanır] (Поденщик [зарабатывает] за сорок лет столько же, сколько торговец за сорок дней); 2) подлежащего: Komşuda [yemek] pişer, bize de düşer (У соседа готовится [еда] – и нам перепадет), 3) прямого дополнения: Buldum bilemedim, bildim bulamadım (Нашел - не оценил, оценил - не нашел).

2. В пословицах часто встречается выделение слов с помощью повторов. Настойчивое повторение лексики позволяет подчеркнуть мысль, облегчает ее восприятие и служит средством эмоционально-логического выделения сопоставляемых или противопоставляемых предметов и фактов. Но повторяться может не любое произвольно выбранное слово, а лишь то, которое подчеркнуто смыслом и несет на себе логическое ударение: Suyu havana koy, döv döv yine su (Налей воду в ступу, толки, толки, все равно вода).

3. В пословицах можно найти примеры с парным замещением синтаксической позиции, в основном позиции сказуемого, благодаря чему достигается определенный

стилистический эффект: *Gidip gelmemek, gelip görmemek var* (Можно уйти и не вернуться, прийти и не увидеть).

4. Отдельные предложения могут выступать в роли членов предложения, образуя придаточные бессоюзные предложения, которые при определенных ограничениях на лексическое заполнение глагольного сказуемого (глаголы мысли) составляют особенность турецкой разговорной речи, что находит свое отражение в пословицах: *Türk ata binince bey oldum sanır* (Турок, сев на коня, считает себя господином).

В Главе II «Лексический аспект лингвистического анализа турецких пословиц» проводится статистический анализ лексики турецких пословиц, который является ценным источником как для рассмотрения традиционной языковой картины мира, так и для изучения языковой и культурно-исторической эволюции носителей соответствующей традиции. В пословицах содержится экстралингвистическая информация, запечатленная в словах, называющих и характеризующих предметы и явления жизни носителей соответствующей культуры, их повседневного взаимодействия и общения, реалии окружающей действительности. Лексика в пословицах - не сиюминутная, навеянная актуальным состоянием дел в политике, общественной жизни, искусстве, быте, моде. В ней находят отражение феномены относительно долговременные или постоянные, связанные с этнокультурными особенностями жизни народа, чертами национального характера, религией и историей. В основу количественного анализа лексики в настоящей диссертации положен корпус турецких паремий, насчитывающий 5274 пословицы (сборник пословиц М.Юртбаши). В них использованы 2782 различные лексемы (в число анализируемых лексем не вошли глаголы и глагольные формы в силу распространенной их десемантизации при использовании в функции предикатов и полипредикативных центров пословиц), для каждой из которых была подсчитана частотность употребления. Таким образом, был получен частотный тезаурус турецких паремий. В процессе работы были выделены 26 семантических классов. В диссертации представлена таблица, содержащая 150 самых распространенных понятий из этого тезауруса, а также приведены частотные таблицы распределенных по семантическим классам лексем.

Статистический анализ показывает, что основное действующее лицо турецких пословиц – человек, причем и как разумное живое существо, и как лицо социальное, действующее в рамках семейных и социальных отношений. Наиболее распространены лексемы ‘*insan*’, ‘*kişi*’ и ‘*adam*’. Пытаясь определить разницу между ними, А.Чайковская отмечает, что лексема *kişi* связана с представлением о человеке как о

существо по преимуществу физиобиологическом, наиболее близко связанным с матерью-природой. Следующая ступень – ‘insan’ – человек, рожденный женщиной, «сын человеческий», существо мыслящее, духовное, наделенное сознанием и волей, зрелый человек со всеми атрибутами своих сил и способностей, где разница между мужчиной и женщиной сильно нивелирована. Лексема ‘adam’ маркирует человека как существо социальное, действующее по установленным обществом этическим нормам, выполняющее различные социальные, иерархически обусловленные обязанности, где вновь существенной становится разница между полами.

На наш взгляд, в современном турецком языке можно провести более четкую дифференциацию по гендерному признаку между лексемой ‘insan’, обозначающей и мужчину, и женщину, и лексемой ‘adam’, в подавляющем большинстве случаев обозначающей только мужчину. Лексема ‘kişi’ же используется, в основном, не для обозначения человека, а как счетное слово. Однако замечания А. Чайковской ценны для анализа и более правильного перевода турецких пословиц, содержащих эти лексемы.

При рассмотрении корпуса турецких пословиц становится очевидным, что есть сугубо «мужские» области и занятия (по крайней мере, именно так они воспринимаются носителями турецкого языка), такие как торговля, война, государственная служба, воспитание сыновей, наука и т.д., где употребляется только лексема ‘adam’ (именно поэтому лексема ‘adam’ не была приведена в одной ячейке вместе с лексемами ‘insan’ и ‘kişi’), а есть так называемые общечеловеческие ценности, где гендерные различия не являются значимыми, поэтому в таких пословицах используется лексема ‘insan’, или параллельно существует небольшое количество одинаковых пословиц как с лексемой ‘adam’, так и с лексемой ‘insan’, например: Adam kıymetini adam bilir – İnsan kıymetini insan bilir ([Только] человек знает ценность другого человека).

Что же касается использования лексемы ‘kişi’ в пословицах, то в подавляющем большинстве случаев она несет функцию счетного слова или встречается в пословицах, где необходимо противопоставить «просто» человека и человека порядочного, почтенного, уважаемого, что выражается лексемой ‘adam’, например: Kişi vezir olmakla adam olmaz (Человек, став визирем, не становится [от этого] порядочным человеком).

Показателен пример существенной статистической разницы между обозначениями дяди по отцовской и материнской линиям (‘dayı’ (дядя со стороны матери) встречается в пословицах 12 раз, ‘amca’ / ‘ammi’ (дядя со стороны отца) – 5 раз). В рамках строго патриархальной турецкой системы родства и структуры семейных отношений ситуация с явным статистическим преобладанием в паремиях

дяди по материнской линии по сравнению с дядей по отцу может получить объяснение как отражение более архаичной системы, в которой преобладал счет родства не по отцовской, а по материнской линии. Исторический анализ тюркской системы родства и системы терминов родства является предметом специальных исследований. Отметим только, что статистические данные турецких паремий указывают на возможность реконструкции системы родства бифуркативно-сливающего типа, в которой не различаются прямая и коллатеральная линии родства, но представлена оппозиция отцовской и материнской линий. В этом случае общему обозначению для отца и братьев отца противопоставлен термин, обозначающий брата матери. В этом плане можно отметить, что отсутствие статистических различий для обозначений сестры отца и сестры матери вполне соответствует зафиксированной в исследованиях по системам родства исторической тенденции, когда утрата оппозиции по отцовской и материнской линиям фиксируется, прежде всего, для терминов женского рода, при сохранении соответствующей оппозиции в мужском роде.

В целом, по результатам анализа 150 самых распространенных понятий в турецких пословицах семантический класс «Человек, семейные отношения, социальный статус» занимает первое место как по разнообразию представленных понятий, так и по количеству лексем.

В пословицах широко представлен семантический класс «Анатомия и физиология человека и животных». Многие лексемы, входящие в этот класс и относящиеся к наиболее частотным по нашей базе данных, например 'baş' (голова), 'el' (рука), 'göz' (глаз), являются составляющими фразеологических оборотов и именно в таком качестве используются в пословицах. Также для этих лексем характерно функционирование в качестве различного рода метафор, что, видимо, следует отнести к универсальным, а не специфическим в этнокультурном отношении чертам. В этом случае действует тот же механизм, что и в случае цветообозначений (см. ниже), т.е. наиболее пригодными для жанра паремий оказываются те лексемы, у которых метафорическая функция является наиболее развитой.

В семантическом классе «Религия» в нашей статистической базе данных на первом месте с большим отрывом находится лексема 'Allah' (158 случаев), что совершенно естественно для мусульманского общества. Но в рассмотренных пословицах зафиксированы еще пять обозначений Бога ('Tanrı' – 17 употреблений, 'Mevla' - 14, 'Halik' - 2, 'Mabut' - 1, 'Rab' - 1). По статистике самое высокое место среди них занимает лексема 'Tanrı', относящаяся к древнетюркскому лексическому фонду. Она, в частности, зафиксирована в древнетюркских рунических надписях.

Существенно, что в эпоху кардинальных лингвистических реформ при Ататюрке, получивших название «языковая революция», это слово было использовано для вытеснения арабизма ‘Allah’. Остальные слова из этого списка являются арабскими заимствованиями, используемыми лишь в специальных религиозных контекстах, что получило отражение в их минимальных статистических индексах, за исключением лексемы ‘Mevla’. Здесь можно отметить, что, в целом, полученные в диссертации статистические данные хорошо соотносятся с материалами исторической лексикологии турецкого языка.

Турки на протяжении всей своей истории уделяли очень большое внимание животному миру. Так, например, в древнетюркской антропонимии фауна представлена очень разнообразно. Среди 150 наиболее распространенных в пословицах понятий двадцать относятся к семантическому классу «Животные, птицы, насекомые» и обозначают конкретные виды животных, птиц и насекомых, в то время как более широкие общевидовые обозначения ‘kuş’ (птица) и ‘balık’ (рыба) по количеству употреблений занимают шестое и пятнадцатое места соответственно в этом семантическом классе. При этом лексема ‘hayvan’ (животное) даже не попала в число 150 самых распространенных понятий. Здесь необходимо отметить, что вообще в традиционных культурах обозначения конкретных видов животных заметно преобладают над более широкими общевидовыми обозначениями.

Вполне закономерно, что в пословицах народа-кочевника первое место в семантическом классе животных занимают лексемы ‘at’ и ‘beugir’ (лошадь, конь). Для носителей турецкого языка собака, в первую очередь, выражает целый набор отрицательных характеристик, и именно в таком качестве лексемы ‘köpek’ и ‘it’ (собака) встречаются в подавляющем числе случаев их употребления в пословицах. Следующими по частотности в этом классе являются лексемы ‘eşek’ и ‘merker’ (осел) и ‘kurt’ (волк), что тоже легко объяснимо – осел на протяжении многих веков был главной тягловой силой, волк же – священное животное для всех тюрков.

Что касается скотоводства, то крупный и мелкий рогатый скот представляют типичный набор тюрка-скотовода на протяжении всей истории. Хотя предки тюрков разводили и верблюдов, верблюдоводство у большинства тюрков, кроме туркмен, части казахов, киргизов и небольших групп у других народов, сошло на нет. Частую встречаемость лексемы ‘deve’ (верблюд) в турецких пословицах можно объяснить, с одной стороны, наличием общетюркского паремийного фонда, с другой стороны, важностью верблюда для транспортировки грузов - практически во всех пословицах, где употребляется лексема ‘deve’, упоминается дорога, караван и т.п. В пословицах

находит отражение существующая в турецком языке, как и в любом языке скотоводческого народа, богатая и дробная терминологическая система деления животных по возрасту, породам, мастям, физиологическим и анатомическим особенностям.

Как отмечают исследователи, древние (письменные) и современные тюркские языки хранят некие архаические традиции, в которых некоторые числа несут в себе особую символику. К таковым относятся числа первого десятка 3, 4, 7, 8, 9, а также 12 и 40. Эти числа широко используются в пословицах, причем числительные 1, 2, 40, 9 и 1000 входят в число 150 самых распространенных понятий в турецких пословицах. Числительное «два» встречается в пословицах как противопоставление числительному «один». Что касается большого количество употреблений числительного 'bin' (тысяча) и его противопоставлений числительному 'bir' (один) в пословицах, то, по мнению Н.Муаллимоглу, это можно объяснить «аллитерацией и благозвучием турецких слов 'bin' и 'bir', а не относить этот факт на счет восточной любви к преувеличению, как думают некоторые».

Следующим по частотности употребления после лексемы 'bir' в турецких пословицах идет понятие «слово», выраженное лексемами 'söz' и 'kelam' (слово, речь). Среди лексем, обладающих наиболее высоким индексом по данным лексико-статистического анализа турецких пословиц, необходимо специально отметить те, которые следует считать универсальными, т.е. не связанными с конкретной природной средой и социокультурными парадигмами. В турецких пословицах они представлены такими лексемами, как 'söz', 'kelam' (слово, речь), 'iş' (дело, работа), 'yer' (место, земля), 'yol' (дорога) и рядом других.

Показательным примером того, насколько точно данные статистического анализа лексики паремий отражают соответствующую традиционную картину мира может служить лексема 'su' (вода), относящаяся к наиболее частотным в нашей статистической базе данных (104 употребления). В турецких пословицах это символ безусловной ценности, заслуживающей самого хорошего отношения, что совершенно естественно для природной среды с преобладанием сухого жаркого климата и постоянного дефицита воды (см., например, пословицу *Nıyar akçesiyle alınan eşeğin ölümü sudan olur* (Дешевый осел умирает от воды [т.е. от чего-то хорошего, от чего умереть нельзя]). Для сравнения можно отметить, что в русской фольклорной традиции вода является символом опасности, угрозы, местом обитания враждебных человеку сверхъестественных сил, что также соответствует природной среде обитания создателей и носителей этой традиции.

Еще одним семантическим классом в корпусе турецких паремий, представляющем несомненный интерес в плане изучения традиционной картины мира и культурно-исторических особенностей общества носителей соответствующих традиций, являются цветообозначения. В рамках лексической базы данных, рассматриваемой в настоящей диссертации, этот семантический класс занимает достаточно скромное место. Только два цветообозначения – ‘kara’ (черный) и ‘ak’ (белый) – характеризуются высокой частотой употребления в корпусе турецких пословиц. Причиной статистической исключительности именно этих двух цветообозначений является их употребление в метафорических значениях, а именно для обозначения соответственно положительной и отрицательной эмоциональной оценки. В то же время синонимичные цветообозначения, не имеющие этой метафорической функции, имеют крайне низкие статистические индексы или вообще не встречаются в рассматриваемом в диссертации корпусе пословиц. Аналогичное явление, т.е. существенная роль в общей функциональной нагрузке цветообозначений таких оценочных параметров как хороший ~ плохой, полезный ~ вредный, красивый ~ уродливый и т.п., вообще характерно для языков мира и может рассматриваться в качестве особой семантической универсалии.

Вполне ожидаемыми оказались статистические результаты для семантических классов, отражающих традиционную экономику, хозяйственный уклад, образ жизни и культуру носителей рассматриваемой паремиологической традиции. Необходимо особо отметить исключительное богатство и разнообразие семантического класса «Продукты питания, напитки». Этот вопрос требует дальнейшего изучения, в частности анализа пищевых кодов у тюрков; здесь существенную роль может сыграть сравнительный анализ с аналогичными данными по паремиям у других народов. В заключение Главы II необходимо отметить, что значимость проведенного в данной диссертации статистического анализа лексического состава турецких пословиц заметно возрастет с появлением подобных работ на материале паремий других народов. Увеличение их количества даст возможность провести сопоставительные исследования картины мира в ее фольклорном отображении.

В **Главе III** «Турецкая пословица как текст и в тексте» рассматривается правомерность применения достижений лингвистики текста к пословицам, анализируются текстовые средства в турецких паремиях, а также освещаются вопросы функционирования турецких пословиц в текстах художественной литературы и прессы.

Текстовые средства в турецких пословицах. Лингвистический анализ пословиц на разных уровнях включает, в частности, вопрос о возможности рассматривать

пословицы как текст. В качестве формального критерия здесь можно опираться на использование в пословицах текстовых средств. Так, Т.М. Николаева, отвечая на вопрос - существует ли грамматика текста, отличная от синтаксической семантики высказывания, отмечает, что для этого необходимо выделить и определить: 1) перечень именно текстовых формальных средств, 2) перечень содержательных категорий лингвистики текста, 3) правила передачи последних первыми. В качестве текстовых средств, т.е. аппарата грамматики текста, Т.М. Николаева приводит следующий список: формальные средства - порядок слов, вынесение элемента, подчеркивание элемента, частицы, прономинализация, введение про-форм, лексические повторы, перифрастические повторы, артиклезация, тематическая прогрессия, членение высказывания; содержательные единицы - предупоминание, чистая связность, единичность (уникальность), выделение, дейктичность, градация важности, смысловое равновесие частей высказывания, неопределенность.

Как и в обычной грамматике, здесь различается выраженность/невыраженность того или иного коммуникативного феномена, поэтому можно различать высказывания, максимально насыщенные выраженными текстовыми средствами, и высказывания, минимально ориентированные на текст, с невыраженными текстовыми показателями.

В турецких пословицах текстовые средства представлены очень широко. Например, в пословице *Her güzel güzeldir ama canın sevdiği daha güzeldir* (Каждая красавица красива, но та, которую любит сердце, еще красивее) представлены следующие содержательные единицы текста: 1) неопределенность – *her* (каждая); 2) выделение – *canın sevdiği* (та, которую любит сердце); 3) градация важности – *güzeldir - daha güzeldir* (красива - еще красивее); 4) смысловое равновесие частей высказывания – *her güzel güzeldir / canın sevdiği daha güzeldir* (каждая красавица красива / та, которую любит сердце, еще красивее).

Этот ряд смыслов обслуживается такими формальными средствами как лексические повторы и тематическая прогрессия.

В пословице *Ölüm ne bir soluk evvel gelir, ne bir soluk sonra* (Смерть приходит ни одним вздохом раньше, ни одним вздохом позже) можно обнаружить следующие содержательные единицы текста: 1) единичность – *bir* (одним); 2) предупоминание – *evvel* (раньше); 3) выделение – *ne bir* (ни одним).

В данной пословице представлены следующие формальные средства: подчеркивание элемента, лексические повторы, вынесение элемента, тематическая прогрессия.

Пословица *Kızını keyfine bırakırsan ya davulcuya varır ya zurnacıya* (Предоставь свою дочь самой себе – она выйдет замуж или за барабанщика, или за зурниста) обладает такими содержательными единицами как: 1) единичность / выделение – *kızını* (свою дочь (выражено аффиксами принадлежности 2-го лица ед. числа и винительного падежа)); 2) градация важности – *ya davulcuya / ya zurnacıya* (или за барабанщика, или за зурниста).

Формальные средства: порядок слов, вынесение элемента, лексические полуповторы.

В пословице *Bu bir kuşuklu yıldızdır ki kırk yılda bir doğar* (Это комета, которая появляется один раз в сорок лет [употребляется в значении: Счастье редко стучится в дверь человека]) можно выделить следующие содержательные единицы: 1) единичность – *bir* (одна); 2) дейкτικότητα – *bu* (это); 3) выделение – выражено аффиксом сказуемости *-dır*; 4) смысловое равновесие частей высказывания – *bu bir kuşuklu yıldızdır / kırk yılda bir doğar* (это комета / появляется один раз в сорок лет).

Формальные средства: подчеркивание элемента, тематическая прогрессия.

Необходимо отметить, что существуют пословицы, в которых могут быть представлены лишь одна содержательная единица текста и лишь одно формальное средство.

Анализируя турецкие пословицы с точки зрения достижений лингвистики текста, необходимо затронуть проблемы развернутости и связности, относящиеся к числу основных признаков текста. На содержательном уровне развернутость находит выражение в количестве непосредственных отношений главного предмета с другими предметами, выступающими в роли аспектов его описания, которые можно назвать подтемами, а также в количестве уровней опосредствованных отношений с предметами, выступающими в роли субподтем. Таким образом, в пословице, как и в любом другом тексте, должны присутствовать тема, которая представлена ключевыми элементами, подтемы и субподтемы. Анализ турецких пословиц показывает, что в каждой пословице присутствуют ключевые элементы, в подавляющем большинстве выделяются подтемы. Что касается субподтем, то количество пословиц, в которых, наряду с ключевыми элементами и подтемами, имеются и субподтемы, не так велико. Связность в турецких пословицах на содержательном уровне проявляется в употреблении слов с повторяющимися смысловыми компонентами: *Baba düşmanı oğul dostu olamaz* (Недруг отца не может стать другом сыну) - родственные отношения; *Deniz dalgasız, gönül sevdasız olmaz* (Море не бывает без волн, а сердце без любви) - отношения целое - интегральная часть; *Kürkçünün kürkü olmaz, börkçünün börkü* (У

меховщика не бывает шубы, а у шляпника – шапки) – отношения вещь – хозяин и т.д. Что касается формальных признаков связности, то в турецких поговорках можно выделить следующие: 1) В пословицах широко встречаются а) союз *da* (и, а, да, тоже): *Oğman olur da domuz olmaz mı?* (Лес есть, а кабанам [в нем] как не быть?); и б) энклитическая частица *da*, которая придает предшествующему слову различные экспрессивные оттенки: *Ak koyunun kara kuzusu da olur* (И у белой овцы бывают черные ягнята). 2) В большом количестве турецких пословиц используются ритм и рифма, при этом очевидно, что выбор слов, а также их порядок в таких пословицах определяются, в первую очередь, именно задачей сохранения рифмы и ритма, например: *O hacı, bu hacı, kim olacak boyası?* (Тот хаджи, и этот хаджи, а кто красить будет?). В случае замены в пословице одного слова на синонимичное, меняется и другое, с которым замененное слово составляло рифму, например: *Korkak bezirgan ne kar eder ne ziyan – Korkar tüccar ne kar eder ne zarar* (Трусливый торговец ни прибыли не получит, ни убытка не потерпит). Необходимостью сохранения рифмы продиктована и замена изъяснительного наклонения у глагола на желательное, например: *Sen ağa ben ağa, inekleri kim sağa [=sağar]* (Ты господин, я господин, а кто же будет доить коров?). Среди турецких поговорок есть примеры, в которых ради сохранения рифмы и / или ритма нарушаются грамматические правила, например, употреблены слова без винительного падежа, хотя по правилам турецкого языка использование в этих случаях винительного падежа является обязательным: *Amcamla daım, herkesten aldım paım* [*место paımı*] (Мой дядя со стороны матери и дядя со стороны отца, я от всех получил наследство). 3) Для лучшей связности в турецких пословицах используются омонимы, например:

Benden sana bir öğüt – ununu elinle öğüt (Вот от меня тебе совет – муку вручную мели). В этом примере употребляется омоним *öğüt* - существительное «совет» и глагол «молоть» в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения.

Турецкая поговорка в тексте. В этом разделе рассматривается функционирование пословиц в текстах, при этом уделяется внимание как формальным, так и содержательным аспектам. Возможность детального изучения турецких пословиц в протяженном тексте возникла только в последнее время благодаря появлению огромного массива текстов в Интернете и развитию поисковых систем типа Google, дающих возможность не только искать необходимую информацию, но искать ее конкретно на сайтах на определенных языках, в нашем случае, на турецком. Тем не менее, все еще остается малодоступной работа с турецкой художественной литературой (за исключением отдельных современных авторов, которые самостоятельно размещают свои произведения в Интернете), т.к. только сейчас в Турции библиотеки начинают

переводить произведения турецких писателей на электронные носители. Большинство примеров, приведенных в данном разделе, взяты из турецкой прессы, точнее говоря, из Интернет-версий периодических изданий. Следует особо подчеркнуть, что именно газетные тексты, адресованные максимально широкому кругу читателей, наиболее активно используют паремии как непосредственно в тексте, так и в качестве заглавий. Таким образом, именно этот фактор определяет приоритет газетных текстов и публицистического стиля в рамках настоящего исследования.

1. При введении пословиц в текст часто используются различные вводные лексические обороты, например: *atalarımız demişler* (наши предки сказали); *atalarımızın dediği gibi* (как говорили наши предки); *bir atasözünde belirtildiği gibi* (как отмечается в одной пословице); *halkımızın çok bilinen bir deyişle başlanabilir* (можно начать с очень известного высказывания нашего народа) и т.д. К сказуемому пословицы могут присоединяться формы субъективной модальности в значении чужесловности, таким образом, происходит отсылка к общим знаниям народа-носителя турецкой паремийной традиции: *Duvağı nem adamı gam yıkarmış* (Говорят, стену разрушает влага, а человека – горе).

2. В современной турецкой прессе паремии довольно часто выступают в роли заглавия статей. Например, журналист К.Озер свою заметку о проблемах экспорта турецкой сельскохозяйственной продукции в Россию озаглавил пословицей *Asıratlıcanı kırağı çalmaz* (Горький баклажан морозом не прихватится). Пословица в заглавии может использоваться в измененном или дополненном виде. Например, заметка о реставрации армянской церкви в г.Ван на новостном Интернет-ресурсе www.bianet.org в качестве заголовка имеет фразу *Acele restorasyona şeytan karışır* (В реставрацию, которую делают со спешкой, вмешивается дьявол), которая является измененной пословицей *Acele işe şeytan karışır* (В поспешном деле бывает замешан дьявол). Журналист М.Барлас в заглавии статьи о воспитании собак вставил пословицу *Akıl akıldan üstündür* (Один ум – хорошо, а два – лучше): *Akıl akıldan üstündür ve bir anlamda dün bugündür de* (Один ум – хорошо, а два – лучше, и, в каком-то смысле, вчера – это сегодня). Также в заголовке пословица может быть в неполном, а в тексте – в полном виде. Так, например, публицист А.Вентура свою статью в газете «Шалом» озаглавил *Ağlamayan çocuğa...* (Не плачущему ребенку...), что является частью пословицы *Ağlamayan çocuğa meme vermezler* (Не плачущему ребенку грудь не дают), которая в полном виде приводится далее в тексте статьи.

3. Пословица может начинать или заканчивать текст, задавая основную тему текста или как бы резюмируя его. В случае использования паремии в конце текста

очень часто эта же пословица является заглавием. Так, например, журналист газеты «Миллийет» Х.Джемаль статью о выборах президента Турции озаглавливает пословицей *Acele işe şeytan karışır* (В поспешном деле бывает замешан дьявол) и ею же статью заканчивает, таким образом, обеспечивая тексту большую связность.

4. Пословица может вводиться в текст в неизменном виде как отдельное предложение или как часть предложения, в измененном виде как отдельное предложение или как часть предложения. Здесь также можно отметить, что, как и в любой другой культуре, среди турецких пословиц есть те, которые знает подавляющее большинство носителей турецкой паремийной традиции, а есть и малоизвестные. Паремии, знакомые туркам с самого детства, подвергаются трансформации чаще всего, становясь моделями для новых речений.

5. При использовании в тексте пословицы могут удлиняться, т.е. к паремии добавляется часть, изначально в ней отсутствующая.

6. Слова, употребляемые в пословице, могут далее повторяться в тексте. В этом случае паремия несет на себе текстообразующую функцию.

7. Для большей экспрессивности текста могут быть введены части пословицы, при этом сама пословица не приводится, однако она присутствует в тексте «вторым планом».

8. В тексте может быть использована только часть пословицы, при этом такая часть есть не в одной, а в двух и более пословицах. Автор, цитируя только часть пословицы, вводит, таким образом, в текст сразу несколько паремий.

9. Во многих случаях употребления пословиц с отсутствием замещения синтаксической позиции, например, в турецкой прессе, авторы считают необходимым восстановить отсутствующую синтаксическую позицию. Интересно отметить, что разные авторы, использующие одну и ту же пословицу, иногда по-разному восстанавливают отсутствующую позицию.

10. В случае многозначности пословицы использующие ее авторы считают необходимым привести ее толкование. Используя пословицу в тексте, автор приводит одно из ее толкований, которое полностью, слово в слово, соответствует одному из объяснений данной паремии в сборнике О.Акса. В этой связи можно отметить и то, что авторы, использующие пословицы, в случае необходимости толкования чаще всего обращаются к объяснениям, приведенным в сборниках пословиц, а не пытаются интерпретировать их самостоятельно.

11. Пословицы очень широко встречаются в поэзии, причем как и в средневековой, так и современной.

12. Пословицы имеют следующие функции в текстах: функцию делимитации, функцию выделения содержания предшествующего / последующего отрезков текста, функцию установления отношения тождества между двумя отрезками текста, функцию перераспределения акцентов содержания, функцию подтверждения / неподтверждения содержания предшествующего / последующего отрезка текста.

В **Заключении** обобщаются основные результаты исследования.

1) В турецких пословицах наблюдается преимущественное использование финитных глаголов в настоящем-будущем времени и императиве, что объясняется их прагматическими установками. Условные пословичные речения в основном повернуты к адресату не сообщаемым, а дополнительной ситуацией, потенциальной или нереализованной.

2) При рассмотрении расположения относительно друг друга подлежащего, прямого дополнения и сказуемого в пословицах можно найти различные варианты словопорядка, которые определяются особенностями как письменной, так и разговорной речи. Актуальное членение пословиц можно соотнести с актуальным членением предложения, стоящего в начале изложения. На актуальное членение пословиц влияют также особенности и письменной, и разговорной речи. С одной стороны, среди турецких паремий есть примеры с выражением темы перед выражением ремы (особенность письменной речи), с другой стороны, представлены примеры с выражением ремы перед выражением темы (особенность устной и, прежде всего, спонтанной речи).

3) Влияние особенностей турецкой разговорной речи на язык турецких пословиц проявляется в смещении значений наклонения и аспекта, отсутствии замещения синтаксической позиции, выделении слов с помощью повторов, парном замещении синтаксической позиции и функционировании отдельных предложений в роли членов предложения.

4) Проведенный в диссертации статистический анализ лексики турецких паремий дал ценные сведения о традиционной картине мира народа-носителя данного паремийного фонда, а также позволил сделать различные выводы о духовной и материальной жизни людей, причем в данном случае не только турок, но и других тюркских народов в связи с безусловным существованием общетюркского паремийного единства. По результатам анализа 150 самых распространенных понятий в турецких пословицах семантический класс «Человек, семейные отношения, социальный статус» занимает первое место как по разнообразию представленных понятий, так и по количеству лексем. В турецких паремиях также широко

представлены семантические классы «Анатомия и физиология человека и животных», «Животные, птицы, насекомые», «Растения, земледельческая лексика», «Природа и окружающая среда», «Религия» и др.

5) В турецких пословицах представлены как содержательные категории текста, так и текстовые формальные средства. Среди наиболее распространенных содержательных категорий можно отметить выделение, смысловое равновесие частей высказывания, предупоминание, единичность, дейктичность, градацию важности, неопределенность; наиболее распространенные формальные средства – лексические повторы, подчеркивание элемента, тематическая прогрессия, вынесение элемента. В паремиях, как и в любом другом тексте, присутствуют тема, которая представлена ключевыми элементами, подтемы и субподтемы. Связность в турецких пословицах на содержательном уровне проявляется в употреблении слов с повторяющимися смысловыми компонентами. Среди формальных показателей связности можно выделить использование союза *da* и энклитической частицы *da*, ритма и рифмы, а также омонимов. К формальным текстовым средствам в турецких паремиях можно отнести также наблюдающееся в ряде случаев определенное отклонение от грамматических норм.

6) Полученные в ходе анализа функционирования турецких пословиц в текстах данные представляют несомненный интерес для изучения истории становления и эволюции письменно-литературной нормы современного турецкого языка. В турецком социо-культурном пространстве устные традиции продолжают играть существенную роль. Разумеется, здесь имеются длительные письменные традиции. Однако роль устных традиций продолжает оставаться весьма значительной, чему способствовали кардинальные реформы на протяжении XX века, а также замена системы письма с арабской на латинскую. Переход от преобладания устных традиций ко все большему распространению письменности вызывает фундаментальные изменения в культуре или даже смену социокультурной парадигмы, т.е. это весьма сложный и длительный процесс. Описанные в диссертации ситуации с широким включением в современные тексты пословиц, особенно в газетных текстах, адресованных массовому читателю, можно рассматривать как характерную особенность подобного переходного периода. Особый интерес в этом плане вызывают рассмотренные в диссертации случаи, когда пословицы включаются в текст не только в «канонической» форме, но и с различными изменениями, дополнениями и сокращениями в соответствии с эстетическими и прагматическими целями автора текста. Весьма показательным является и отмеченный в работе феномен, когда при необходимости привести толкование включенной в текст

пословицы, авторы предпочитают цитировать комментарии, приводимые в известных сборниках турецких паремий, а не давать собственные интерпретации. Это обращение к авторитетному письменному источнику свидетельствует о стремлении показать, что включенная в текст пословица как бы приобретает новое качество, перемещаясь из сферы устных традиций в письменно-литературную сферу. Заметим также, что соби́рание и письменная фиксация паремий является характерной чертой тюркского культурного и языкового пространства, так же как и высокий функциональный статус пословиц в современном языковом узусе.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

1. Синтаксические особенности турецких пословиц. // Вопросы филологии. М., 2009, № 1 (31). – С.107 – 110.
2. Синтаксис турецких пословиц. // Онтология языка и его социокультурные аспекты. М., 1999. С.131 – 135.
3. Актуальное членение турецких пословиц. // Материалы международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». М., 2000. С.127 – 128.
4. Лексический состав турецких пословиц (статистический анализ). // Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2002. С.118 – 119.
5. Статистический анализ лексики турецких пословиц. // Проблемы и методы современной лингвистики. М., 2003. С.37 – 39.
6. Порядок слов в турецких пословицах. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. М, 2009. С.271 – 273.
7. Текстовые средства в турецких пословицах. // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. М., 2009. С.187 – 189.